

К ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В РОССИИ

(ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВ РАБОЧИХ НА ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХ ФАБРИКАХ
СЕЛА ИВАНОВА В 30—50-х годах XIX в.)

Л. В. ФИЛИМОНОВА

История промышленного переворота в России вызывает в последние годы большой интерес у советских историков и экономистов, о чем свидетельствуют работы, появившиеся в научных журналах. В той или иной мере эта проблема затрагивается также в исследованиях и диссертациях, рассматривающих различные вопросы развития капитализма, кризиса феодально-крепостнической системы, формирования пролетариата и роста рабочего движения в России¹. Однако в целом разработка столь важной проблемы находится лишь в начальной стадии.

Для успешного разрешения вопросов, связанных с проблемой промышленного переворота в России, все больше ощущается потребность в конкретном изучении того, как в ходе промышленного переворота происходило развитие производительных сил, капиталистическая перестройка производства, формирование новых общественных отношений в отдельных отраслях промышленности. Изучение промышленного переворота по отраслям даст исследователям необходимый фактический материал, который позволит в масштабах всей страны решить вопросы о начале и завершении промышленного переворота, темпах его развития и его особенностях, обусловленных своеобразием социально-экономических условий России.

Промышленный переворот — это явление переходного периода от феодализма к капитализму, решающий этап в становлении капиталистиче-

¹ См. С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России, М., 1944; Егоров же. К вопросу о промышленном перевороте в России. «Вопросы истории», 1952, № 12. Егоров же. История черной металлургии в СССР, т. I, М., 1954; М. Ф. Злотников. От мануфактуры к фабрике. «Вопросы истории», 1946, № 11—12; В. К. Яцунский. Промышленный переворот в России. «Вопросы истории», 1952, № 12; К. А. Пажитнов. К вопросу о промышленном перевороте в России. «Вопросы истории», 1952, № 5; А. М. Панкратова. Вступительная статья к сборнику «Рабочее движение в России в XIX в.», т. I, ч. I, М., 1951; С. С. Дмитриев. Об изучении документов по истории рабочего движения в России в XIX веке. «Вопросы истории», 1953, № 7; Б. Н. Васильев. Формирование пролетариата в текстильной промышленности Ивановской области. «Вопросы истории», 1952, № 6; С. Г. Карпенко. О промышленном перевороте в России. «Вопросы истории», 1955, № 2.

Кандидатские диссертации: А. В. Шипулина. Ивановская промышленность в период 30—80-х годов XIX века (от мануфактуры к фабрике), 1949; Г. В. Бурцев. Текстильная промышленность Московской и Владимирской губерний в 30—50-х годах XIX века, 1953; А. П. Юдин. Вольнонаемные рабочие на капиталистических мануфактурах и фабриках накануне падения крепостного права (по материалам Владимирской губернии), 1953; Б. Л. Цыпин. К вопросу о сущности промышленного переворота и его особенностях в России, 1955 и др.

ского способа производства в промышленности, сельском хозяйстве, во всей экономике страны. Он связан с качественными сдвигами в развитии производительных сил, с победой машинного производства, утверждением новых производственных отношений и появлением на исторической арене новых классов.

Необходимо подчеркнуть важность социальной стороны промышленного переворота. Главным и самым важным следствием промышленного переворота было появление нового класса, пролетариата².

В России промышленный переворот начался еще в период существования феодально-крепостнических отношений, что обусловило ряд особенностей в его развитии, в частности в формировании пролетариата.

Процесс формирования русского пролетариата был значительно сложнее по сравнению, например, с Англией, и связан не только с появлением постоянных кадров рабочих фабричной индустрии, порвавших связь с землей и сельскохозяйственным производством, но и с юридическим освобождением рабочих от крепостной зависимости. Формирование кадров фабричных рабочих началось в России еще в дореформенный период и находилось в тесной связи с началом промышленного переворота. Однако юридически рабочий нередко оставался крепостным своего помещика, связанным феодальными повинностями, и поэтому он не был пролетарием в полном смысле этого слова, так как пролетарий не только должен быть лишен средств производства, но и иметь возможность распоряжаться своей личностью. Но такую свободу рабочий получает лишь тогда, «когда прекращается его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица»³.

Таким образом, применительно к дореформенной России можно говорить лишь о кадрах постоянных рабочих крупной машинной индустрии, которые были одним из источников формирования пролетариата в пореформенный период.

Далее, на наш взгляд, необходимо отличать пролетариат, класс фабричной индустрии, от рабочих периода мануфактурной и мелкой кустарной промышленности.

Существовали качественные различия между наемными рабочими периода мелкотоварного и мануфактурного производства и пролетариатом, новым классом, который появляется лишь на стадии машинной индустрии. Энгельс называл пролетариатом «трудящийся класс XIX века», который возник «в результате промышленной революции». Он отмечал, что пролетарии существовали не всегда и отличались и от ремесленников и от мануфактурных рабочих. «Мануфактурный рабочий XVI—XVIII веков почти повсюду владел еще орудиями производства: своим ткацким станком, прялкой для своей семьи и маленьким участком земли, который он возделывал в свободные от работы часы. У пролетария ничего этого нет... Крупная промышленность вырывает мануфактурного рабочего из его патриархальных условий; он теряет последнее имущество, каким еще обладал, и только тогда превращается в силу этого в пролетария»⁴. Социальные моменты, связанные с промышленным переворотом, исследованы крайне недостаточно.

Настоящая статья является попыткой выяснения отдельных моментов формирования пролетариата в начальный период промышленного переворота на конкретном материале развития хлопчатобумажной промышленности Владимирской губернии в 30—50-х годах XIX в., а именно: появления постоянных кадров рабочих в дореформенной промышленности,

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 2, стр. 256; т. 4, стр. 322.

³ К. Маркс. Капитал, т. 1, 1955, стр. 720.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 322, 326.

их имущественного положения, изменений в профессиональном составе рабочих в связи с заменой ручного труда машинным.

Промышленный переворот в дореформенный период происходил наиболее интенсивно в отраслях хлопчатобумажного производства. Этим обусловлен выбор для исследования указанного района. Владимирская губерния была одним из основных центров сосредоточения хлопчатобумажного производства. Поэтому выводы из анализа конкретного материала по этому району могут быть в известной степени распространены на другие губернии Центрально-промышленного района, в которых было развито хлопчатобумажное производство, но, разумеется, они не претендуют на универсальность и общезначимость в масштабах проблемы в целом.

Основными источниками при изучении темы послужили архивные материалы фонда Шереметева, хранящиеся в ЦГАДА. Они довольно подробно отражают состояние ивановской промышленности в последние десятилетия перед отменой крепостного права, в частности социальные изменения, происходившие в ней в это время. Особый интерес представляют так называемые «Настольные реестры окладных платежей», составлявшиеся ежегодно старостой вотчины отдельно по сельской и волостной половине Иванова. В реестровых книгах учитывались различные окладные платежи крестьян (оброк, подушная подать и др.). Для данной работы сами по себе эти сведения не представляют интереса. Но в реестрах содержатся указания о работе некоторой части крестьян на промышленных предприятиях с. Иванова, именно тех крестьян, за которых повинности вносились в вотчинное правление владельцем мануфактуры или фабрики, на которой они работали. Это была наименее состоятельная и наименее благонадежная, с точки зрения вотчинной администрации, часть крестьянства.

Таким образом, реестровые книги, во-первых, отмечают лишь часть крестьян имения, работавших на капиталистических предприятиях, и, во-вторых, учитывают лишь часть рабочих промышленного предприятия, владельцем которого вносил за них оброчные платежи.

Весьма важно то, что указания о крестьянах-рабочих имеются в реестрах за ряд лет. Все это, несмотря на неполноту данных, позволяет выделить определенный контингент наемных рабочих промышленных предприятий и показать изменения, происходившие в их составе и положении с началом промышленного переворота. В этой связи нас интересовал прежде всего состав рабочих на тех предприятиях, которые в изучаемый период являлись уже фабриками, а наемные рабочие на них были фабричными рабочими, хотя лично они оставались зависимыми от помещика.

В статье рассмотрен состав рабочих на фабриках Гарелиных и Зубкова. За 1830—1859 гг. выявлено двадцать семь реестровых книг по сельской и волостной половине Иванова⁵. Наряду с реестрами использована также подворная опись по сельской и волостной половине Иванова, составленная в 1836 г. В ней содержатся сведения о хозяйственном положении крестьян, являвшихся наемными рабочими капиталистических предприятий, что очень важно для выяснения многих вопросов, связанных с формированием кадров фабричных рабочих.

В диссертации А. П. Юдина «Вольнонаемные рабочие на капиталистических мануфактурах и фабриках накануне падения крепостного права (по материалам Владимирской губернии)» подворная опись за 1836 г. и настольные реестры за 1836 г. по сельской половине и за 1852 г. по волостной половине используются только на предмет выяснения вопроса о связи рабочих из крестьян с землей и сельскохозяйственным производством.

⁵ По сельской половине за годы: 1830—1838, 1840, 1844, 1848, 1853, 1854, 1857—1859; по волостной половине за годы: 1836, 1839, 1840, 1841, 1845, 1846, 1848, 1849, 1852, 1858, 1859.

Промышленный переворот начался в 30—40-х годах XIX в. прежде всего в отраслях хлопчатобумажной промышленности и способствовал превращению ее в передовую отрасль русской промышленности. Таблица 1 дает представление о развитии хлопчатобумажного производства сравнительно с другими отраслями текстильной и всей обрабатывающей промышленности России⁶.

ТАБЛИЦА 1

Отрасли промышленности	1825 г.			1850 г.		
	число промыш- ленных заведений	количес- тво ра- бочих	сумма производ- ства (тыс. руб. сер.)	число промыш- ленных заведений	количес- тво ра- бочих	сумма производ- ства (тыс. руб. сер.)
Все отрасли обрабатывающей про- мышленности	5 261	210 568	46 524	8 500	470 000	160 300
Все отрасли текстильной промыш- ленности	1 088	137 962	31 610	1 873	266 381	75 265
В том числе хлопчатобумажная промышленность (прядельное, ткацкое, набивное, красильное производства)	550	47 527	10 000	937	144 558*	45 234
В % к обрабатывающей промыш- ленности	10,8	22,6	21,5	11,0	30,7	28,5
В % к текстильной промышлен- ности	50,6	34,4	31,6	50,0	54,3	60,1

* Данная цифра не учитывает количества домашних рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности. В 50-е годы их число доходило до 256 тыс.

Эти данные наглядно свидетельствуют о дальнейшем успешном развитии хлопчатобумажного производства в 30—40-х годах XIX в. и о превращении его в ведущую отрасль обрабатывающей промышленности России. Успешное развитие хлопчатобумажной промышленности в первой половине XIX в. было общеевропейским явлением. Дешевизна и яркость хлопчатобумажных тканей, доступность их для широких масс народа обеспечивали широкий рынок сбыта, т. е. одно из важнейших условий успешного развития любой отрасли промышленности.

Развитие хлопчатобумажной промышленности России в изучаемое время происходило на капиталистической основе. Уже в 1825 г. 95% рабочих этой отрасли были вольнонаемными.

Капиталистическая организация хлопчатобумажной промышленности, стимулирующая и обуславливающая необходимость совершенствования производства; естественные свойства хлопка, позволяющие более легко применять машины для его переработки по сравнению с другими видами текстильного сырья; быстрая оборачиваемость капитала — все это привело к тому, что промышленный переворот в районах с развитой хлопчатобумажной промышленностью начался именно с этой отрасли.

⁶ Таблица составлена на основании данных: за 1825 г. — С. С. Гулишамбаров. Итоги торговли и промышленности России в царствование Николая I. СПб., 1896; «Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов». СПб., 1865, т. II; за 1850 г. — П. Крюков. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, ч. 1—2, СПб., 1853, Приложение; ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, л. 602. Отчет департамента мануфактур и внутренней торговли за 1851 г.; К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность, М., 1955.

Основным районом сосредоточения хлопчатобумажной промышленности дореформенной России были Московская и Владимирская губернии, на промышленных заведениях которых в 50-е годы находилось больше половины всех имеющихся в России веретен и обрабатывалось до 900 тыс. пудов пряжи из 1400 тыс. пудов, потребляемых в России в целом. Сумма хлопчатобумажного производства этих двух губерний в начале 50-х годов достигала 35 млн. руб. серебром⁷, что составляло около 78% общей суммы производства хлопчатобумажной промышленности России в эти годы (см. табл. 1).

Московская и Владимирская губернии были также основным районом ситцевого (или ситценабивного) производства. Таблица 2 дает представление о развитии набивной промышленности в этих губерниях⁸.

ТАБЛИЦА 2

Районы	1849 г.			1859 г.		
	число заведений	количество раб-бочих	сумма производства (тыс. руб. сер.)	число заведений	количество раб-бочих	сумма производства (тыс. руб. сер.)
Всего по России	156	21 896	11 077	379*	22 335	19 660
Московская губерния	65	13 443	4 474	114	10 243	6 215
Владимирская губерния	72	7 533	5 520	89	9 115	11 689
Московская и Владимирская губернии в % к итогу	87,2	95,8	90,2	53,6	86,7	91,0

* С учетом белильных и красильных заведений.

Таким образом, более 90% общей суммы производства ситценабивной промышленности России приходилось на Московскую и Владимирскую губернии, причем в последней ситцевая промышленность развивалась особенно быстро. За десять лет сумма производства возросла здесь более чем в два раза, при значительно меньшем увеличении числа набивных заведений и рабочих на них. Это свидетельствует о том, что увеличение объема производства в 50-х годах шло уже за счет повышения производительности труда, замены ручного труда машинами. Уже в начале 30-х годов XIX в. на некоторых крупных промышленных заведениях для набивки и окончательной отделки ситца применялись машины. В середине 40-х годов на фабриках Московской, Владимирской, Петербургской и некоторых других губерний широко использовались цилиндропечатные машины, пирротины, гидроэкстракторы, стригальные машины и приборы для непрерывного беления миткалей. А. Шерер, занимавшийся изучением хлопчатобумажной промышленности России, писал (в 1845 г.) в связи с итогами российской промышленной выставки 1843 г., что «есть уже у нас ситцевые фабрики, на которых окрашивание совершается вполне механически»⁹.

Во Владимирской губернии основная масса набивных и значительная часть прядильных и ткацких заведений находилась в Шуйском, наиболее развитом в промышленном отношении уезде губернии (таблица 3)¹⁰.

⁷ П. Крюков. Указ. соч., ч. 1, стр. 29—30.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, 1849, д. 1368, лл. 5—28; 1859, д. 1719, лл. 58, 74, 115.

⁹ «Обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России», СПб., 1845, стр. 41.

¹⁰ ГАВО, ф. 14, оп. 1, 1844, дд. 5931, 5972; «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. VI, ч. II, Владимирская губерния, СПб., 1852. Приложения, табл. 10.

В самом Шуйском уезде ситценабивные заведения были сосредоточены в городе Шуе, селе Тейкове (здесь находилась одна из крупнейших ситцевых фабрик Владимирской губернии — фабрика С. Каретникова) и глав-

ТАБЛИЦА 3

Уезды	1843 г.			1849 г.		
	прядиль- ные заве- дения	ткацкие заведения	ситценабив- ные и красиль- ные заведения	прядиль- ные заве- дения	ткацкие заведения	ситценабив- ные и красиль- ные заведения
Шуйский уезд	—	26	72	2	27	65
Осталь- ные 12 уездов	1	30	1	5	40	2

ным образом в селе Иваново и прилегающих к нему слободах. Село Иваново в первой половине XIX в. было крупнейшим центром хлопчатобумажной промышленности, «русским Манчестером».

Весь ход экономического развития страны в первой половине XIX в., начавшийся промышленный переворот ускоряли процесс общественного разделения труда, приводили к дальнейшему обособлению промышленных и сельскохозяйственных районов, появлению «неземледельческих центров», население которых было занято преимущественно торгово-промышленной деятельностью. Одним из таких неzemледельческих центров было село Иваново.

Торгово-промышленный характер села Иванова начал проявляться еще в XVIII в. В конце XVIII в., как показывают материалы подворной описи ¹¹, Иваново было непашенным селом, в котором из 681 двора земледелием занимались только 58, т. е. 8,5% общего числа дворов. 512 дворов (75,2%) совсем не имели лошадей.

В деревнях, окружавших Иваново, наблюдалась иная картина: крестьяне в основной своей массе являлись земледельцами, прочно связанными с землей. Из 217 учтенных дворов волостной половины Иванова хлебопашеством занималась 161 крестьянская семья (74,2%). При этом здесь налицо не просто связь с землей, а такое положение, когда хлебопашество было основным источником существования крестьян ¹².

Таким образом, в конце XVIII в. основная масса крестьян Иванова порвала связь с землей и представляла собой кустарей или наемных рабочих мелких кустарных заведений и мануфактур, что обеспечивало широкое развитие в этом районе ткачества и набивного производства. Волостная же половина в этот период оставалась земледельческой округой, очень слабо связанной с промышленной деятельностью.

Во второй половине XVIII в. в селе Иваново существовали полотняные мануфактуры, на которых производилась набойка по холсту масляными красками. В 1770-е годы появляются первые ситценабивные мануфактуры, среди которых была и мануфактура М. И. Гарелина. Она была основана в 1752 г. как полотняное заведение, а в 1776 г. преобразована в ситценабивное ¹³.

В первой половине XIX в. ситцевое производство и ткачество бумажных материй получили в Иваново и окрестных деревнях дальнейшее раз-

¹¹ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1791—1792, дл. 83—114, 115, 128, 129, 132.

¹² В подворной описи по волостной половине о крестьянах, занимающихся земледелием, указывалось, что они «пропитание имеют от хлебопашества».

¹³ ГАВО, ф. 14, оп. 1, 1847, д. 7032, л. 132; Я. П. Гарелин считает годом преобразования мануфактуры 1804 г., см. «Город Иваново-Вознесенск», ч. I, Шуя, 1884, стр. 191.

витие, и это село превратилось в один из основных районов русской хлопчатобумажной промышленности. В 50-е годы набивное производство составляло около 80% всей суммы производства села Иванова. Свыше 100 тыс. крестьян различных уездов Владимирской губернии ткали миткаль по заказу ивановских фабрикантов¹⁴. Постоянное увеличение суммы производства набивной промышленности Иванова свидетельствовало о неуклонном росте этой отрасли. В начале 40-х годов в Иванове вырабатывалось ситцев на сумму около 2300 тыс. руб. серебром, в середине 50-х годов эта сумма возросла до 5822 тыс. руб. серебром, а в конце этого десятилетия — составляла уже 7370 тыс. руб. серебром¹⁵. Таким образом, за двадцать лет продукция ситцев в Иванове в денежном выражении возросла более чем в три раза. В конце 50-х годов она составляла 62% всей стоимости продукции ситценабивной промышленности Владимирской губернии (см. табл. 2).

Крупнейшими ситцевыми заведениями Иванова были фабрики купцов Гарелиных и Зубкова. В 50-е годы на них вырабатывалось продукции на сумму свыше 2 млн. руб. серебром¹⁶, что составляло около трети всего производства ситца в Иванове и Вознесенском посаде. История этих ситцевых заведений в первой половине XIX в. тесным образом связана с началом промышленного переворота, с переходом мануфактуры на стадию машинной индустрии и с теми социальными изменениями, которыми сопровождался этот процесс.

* * *

Разделение труда в производстве ситца, существовавшее уже на мануфактурной стадии и выражавшееся в появлении ряда новых профессий рабочих — набойщиков, штрифовальщиков, заварщиков, мытильчиков, — не изменило самого процесса труда, который оставался ручным. Набивка рисунка на миткале производилась набойщиком вручную, орудием труда его был «манер» — деревянная доска, сделанная обычно из грушевого дерева, на которой вырезался рисунок. Существовала определенная категория рабочих, так называемые резчики, которые занимались изготовлением манеров. Помощником набойщика во время работы был штрифовальщик, как правило, мальчик 12—15 лет, который после нескольких лет работы сам осваивал набивное мастерство и становился набойщиком. В обязанности штрифовальщика входило приготовление краски для нанесения ее на миткаль. Набойщик опускал манер в ящик с краской, затем переносил его на материал, натянутый на столе, и вбивал краску в ткань деревянным молотком. Этот процесс повторялся до тех пор, пока рисунок не наносился на весь кусок миткаля. Искусство ивановских набойщиков в первой половине XIX в. достигло большого совершенства. Однако процесс труда оставался ручным: основным орудием труда набойщика был ручной манер, а для получения конечного результата применялась сила человека.

Промышленная революция в ситцевом производстве началась прежде всего с замены набоечного манера цилиндропечатной машиной, заменившей ручной труд в производстве ситца. «Исходным пунктом крупной промышленности, — писал Маркс, — послужила... революция в средстве труда»; *«промышленная революция начинается тогда, когда механизм применяется там, где издавна для получения конечного результата требовалась работа человека»*¹⁷.

¹⁴ «Вестник промышленности», 1859, т. I, разд. III, стр. 49.

¹⁵ ГАВО, ф. 14, оп. I, 1844, д. 5931, лл. 15—16; «Вестник промышленности», 1859, т. 4, разд. V, стр. 11; 1860, т. 8, разд. III, стр. 266, 269.

¹⁶ «Вестник русского географического общества», 1851, кн. 1, отд. IV, стр. 20; «Вестник промышленности», 1859, т. 2, разд. III, стр. 164; «Владимирские губернские ведомости», 1859, № 1, часть неофициальная.

¹⁷ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 400; К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 138.

На ситцевых заведениях Гарелиных и Зубкова первые цилиндропечатные машины были установлены в 1830 и 1831 гг.¹⁸ Вначале эти машины приводились в движение при помощи конного привода, но в 1832 г. купцы Гарелины установили на своей фабрике первую в Иванове паровую машину в 12 лошадиных сил, которая была сделана на заводе Берда в Петербурге¹⁹.

В середине 40-х годов ситцевое заведение Никона Гарелина помещалось в девяти каменных и пяти деревянных корпусах. В особом корпусе была установлена паровая машина в 18 лошадиных сил, которая приводила в движение две цилиндропечатные машины, семь мытильных барабанов, гидрокстратор и другие машины. Всего на фабрике в этот период было установлено 15 различных машин. Беление миткалей производилось при помощи паров. В конце 50-х годов число различных машин на фабрике возросло до 42, т. е. увеличилось по сравнению с 40-ми годами почти в три раза. Мощность парового двигателя была увеличена до 20 лошадиных сил и в качестве дополнительного источника энергии установлено водяное колесо²⁰. Ежегодно фабрика вырабатывала свыше 70 тыс. кусков (в куске от 32 до 54 аршин) ситца на сумму свыше 600 тыс. руб. серебром²¹.

На ситцевой фабрике Я. Гарелина в 1845 г. были введены усовершенствования «по современной методе», установлена паровая машина в 40 лошадиных сил, дополнительно к имевшемуся уже паровому двигателю в 18 лошадиных сил, новая цилиндропечатная машина, мытильные барабаны, гидрокстратор. В 1848 г. была установлена отбеливальная машина, во много раз ускорившая процесс беления миткалей. Всего в конце 40-х годов на фабрике Я. Гарелина имелось до 40 различных машин, при помощи которых был механизирован процесс производства ситца. Механик Владимирской губернии И. Несытов в отчете о состоянии промышленности губернии за 1849 г. относил ситцевую фабрику Я. Гарелина к числу образцовых промышленных заведений Владимирской губернии. «Расположение мытильных колес, красильных барабанов, печатных машин, механической белильни, зрельных комнат и сушильни так сближено и соединено, что их устройства представляют как бы один механизм, исполняющий в несколько часов окончательную уже отделку ситцев». «На ситцевой мануфактуре Якова Гарелина,— писал Несытов в 1853 г.,— сосредоточены все новейшие механические пособия: начиная с английской паровой высокого давления 40-сильной машины, до последних прыскалок и галандров»²². Таким образом, уже в 50-х годах XIX в. на ситцевых заведениях Гарелина появилась система машин и в производстве ситца широко применялась энергия пара.

На ситцевом заведении П. А. Зубкова в 1845 г. была установлена паровая машина в 20 лошадиных сил, а к концу 50-х годов на фабрике имелись 4 паровые машины мощностью в 42 лошадиных силы. В середине 40-х годов паровая машина приводила в движение две цилиндропечатные машины, два галандра, семь мытильных барабанов, крахмальную и отбеливальную машины²³.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1832, д. 29, лл. 16—18; Я. Гарелин указывает, что цилиндропечатная машина на мануфактуре Гарелиных была установлена в 1829 г. («Город Иваново-Вознесенск», стр. 201).

¹⁹ «Вестник промышленности», 1859, т. 2, разд. III, стр. 159.

²⁰ «Журнал мануфактур и торговли», 1845, ч. 4, стр. 97—98. «Вестник промышленности», 1859, т. 2, разд. III, стр. 168—169; ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, 1849, д. 1351, лл. 116—121.

²¹ ЦГИАЛ, там же; «Владимирские губернские ведомости», 1859, № 1, часть неофициальная.

²² «Журнал мануфактур и торговли», 1850, ч. 2, стр. 295; 1853, ч. 4, стр. 129; ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, 1849, д. 1351, лл. 122—127.

²³ Зубков и Гарелины были первыми фабрикантами Иванова, применившими в ситцевом производстве отечественные красители, русскую марену, которая заменила иностранный крап. В 1845 г. Несытов в отчете о состоянии промышленности Влади-

В конце 50-х годов на фабрике П. Зубкова было свыше 50 машин, действовавших паром, набивка ситца производилась на пяти цилиндропечатных машинах²⁴. Современник, посетивший Иваново в этот период, писал, что «фабрика (Зубкова.— Л. Ф.) по техническому устройству и совершенству выделяемых ситцев занимает первое место среди дешёвых фабрик... Из введенных в последнее время улучшений замечательны: новый способ, ускоряющий беление миткалей, и прибор для варения красок с помощью пара»²⁵. Таким образом, в 50-е годы на фабрике Зубкова, так же как и на фабриках Гарелиных, сложилась система машин, процесс производства ситца был механизирован, что свидетельствовало о коренной технической перестройке всего процесса производства на этих предприятиях.

В связи с введением машин в ситцевом производстве сократилось число набойщиков. Однако ручной труд в этой отрасли промышленности в первой половине XIX в. не был вытеснен полностью. Ручная набойка ситца сохранялась в течение всего рассматриваемого периода и на указанных фабриках. Например, в конце 50-х годов из 550 рабочих на фабрике Зубкова 115 человек, т. е. пятая часть, были набойщики.

Набойщику невозможно было конкурировать с машиной, так как она во много раз увеличивала производительность труда, сокращала время производства и тем самым понижала стоимость готовой продукции. Цилиндропечатная машина, например, за сутки могла выработать от 100 до 300 кусков ситца, набойщик же вручную в течение целого рабочего дня набивал только 1,5—3 куса ситца. Несытов же отмечал, что ручное набивание ситца относится к машинному, как 1 : 100²⁶. Таким образом, цилиндропечатная машина увеличивала производительность труда в 50—100 раз. Пирротина повышала производительность труда в 15 раз²⁷. Один из современников, посетивший Иваново в конце 50-х годов, писал, что «ремесло набойщика в прежнее время было чрезвычайно выгодно. Введение машинного печатания много убавило эти выгоды»²⁸. Машины приводили к значительному понижению себестоимости ситца, а следовательно, и продажной цены его. Так, в конце 40-х годов кусок ситца, набитого вручную, стоил во Владимирской губернии (г. Шуя) 8 руб. 50 коп., а штука машинного ситца — 6 руб. 50 коп. серебром²⁹.

Изменения в технико-организационной структуре предприятий Гарелиных и Зубкова не были единичными во Владимирской губернии в 30—50-х годах XIX в.

В середине 40-х годов на предприятиях Иванова, вместе с Ильинской и Дмитровской слободами, насчитывалось 29 цилиндропечатных машин, причем «число таковых машин умножилось за последние 10 лет»³⁰. Машинные ситцы вырабатывались на 23 ситцевых заведениях Иванова, принадлежавших купцам и крестьянам этого села³¹. На многих ситцевых предприятиях в качестве двигателя уже применялись паровые машины.

мирской губернии отмечал, что «введение кубанской и дербентской марены для крашения ситцев более и более усиливается: первыми вводителем были в городе Александрове фабрикант почетный гражданин Баранов, а потом в Иванове почетный гражданин Яков Гарелин и Петр Зубков. По быстрому умножению употребления марены можно ожидать, что в скором времени здешние ситцевые фабрики совершенно освободятся от необходимости крашения ситцев иностранным крапом» («Журнал мануфактур и торговли», 1845, ч. 4, стр. 99, 115—116).

²⁴ Там же, 1859, т. 6, кн. 7, отд. III, стр. 5—6.

²⁵ «Вестник промышленности», 1859, т. 2, разд. III, стр. 167—168.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1843—1847, д. 35, л. 93; «Владимирские губернские ведомости», 1850, № 39, часть неофициальная.

²⁷ «Владимирские губернские ведомости», 1850, № 39, часть неофициальная.

²⁸ «Вестник промышленности», 1859, т. 2, разд. III, стр. 192.

²⁹ «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. VI, ч. II, Владимирская губерния, СПб., 1852, Приложения, табл. 10.

³⁰ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1843—1847, д. 35, л. 92.

³¹ ГАВО, ф. 14, оп. 1, 1844, д. 5972.

«При ситцевой фабрикации,— писал Несытов,— употребление паров сделалось в последнее время столь знаменательным, что говорить о разнообразной их пользе при производстве ситца было бы предметом весьма многосложным. При помощи пара действуют мытильные колеса и мюль-машины, устраиваются зрельные комнаты, теплые красильни, машины, измелчающие красильные вещества, гидрозкстракторы»³².

Эти изменения в технике производства, введение машин, применение паровых двигателей, внедрение химии в ситценабивное производство и составляют содержание процесса перехода мануфактуры в фабрику, или технической стороны промышленного переворота.

* * *

Переход от мануфактуры к фабрике с самого начала был связан с формированием новых общественных отношений, возникновением пролетариата, одного из основных классов капиталистического общества.

Рассмотрим, что представляли собой рабочие ситцевой промышленности Иванова в последнее десятилетие перед реформой, какова была их связь с сельскохозяйственным производством, как отразилось на их составе и профессиях введение машин и как складывались кадры постоянных фабричных рабочих.

В середине 30-х годов по восьмой ревизии в Иванове насчитывалось 4500 ревизских душ, из которых только 17 человек занимались хлебопашеством³³. По подворной описи сельской половины Иванова, составленной в 1836 г., также видно, что из 686 учтенных дворов только 16 (2,5% всех дворов) занимались хлебопашеством³⁴.

Таким образом, преобладающая часть крестьян села Иванова земледелием не занималась. Но даже и в тех хозяйствах, где сохранилась земледельческая деятельность, хлебопашество уже не было основным источником существования семьи и носило подсобный характер. Часто глава семьи занимался крестьянской работой, а сыновья работали набойщиками или резчиками на ситцевых фабриках, занимались промыслами. Как правило, размеры хлебопашества были очень незначительны. В описи отмечалось, что тот или иной крестьянин «хлебопашество имеет небольшое, про свое семейство, прикупает».

Основным источником существования жителей Иванова служила промысловая деятельность, работа в промышленных заведениях. В сельской половине Иванова из 686 дворов 476 (около 70%) были связаны с работой на мануфактурах и фабриках. Профессия набойщика являлась основной для ивановских крестьян. Имелись также резчики манеров, заварщики, красильщики, белильщики миткалей, рабочие при галандрах и цилиндропечатных машинах, домашние ткачи, сновальщики клубьев, столяры, чернорабочие. Набивное искусство, издавна известное ивановцам, передавалось из рода в род, от отца к сыну, от сына к внуку и достигало большого совершенства. В середине 30-х годов из 4500 жителей Иванова набойщики и штрифовальщики составляли 3800 человек³⁵. В связи с интересующим нас вопросом важно по возможности конкретней выяснить степень отрыва от земледелия тех ивановских крестьян-рабочих, которые не просто работали по найму, а были заняты на предприятиях, в техническом отношении превратившихся в фабрики. К числу таких заведений прежде всего и относятся фабрики купцов Гарелиных и Зубкова.

По реестровым книгам насчитывается 730 крестьян сельской и 194 волостной половины Иванова, которые работали на этих фабриках в тече-

³² «Владимирские губернские ведомости», 1850, № 38, часть неофициальная.

³³ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1835, д. 29, л. 32.

³⁴ Там же, 1836, д. 29.

³⁵ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1835, д. 29, л. 33.

ние 1830—1859 гг. Выше отмечалось, что реестровые книги учитывали не всех рабочих. Так, в конце 40-х годов у Гарелиных было 1347 рабочих, а в реестровых книгах за этот период есть сведения только о 264 рабочих, т. е. лишь о пятой части рабочих. При использовании материалов реестровых книг надо иметь в виду и то обстоятельство, что в них учтены категории рабочих, связанных с ручным трудом,— набойщики, резчики манеров, так как крепостные Шереметева, работавшие у ивановских фабрикантов, владели преимущественно этими профессиями. Однако и эти материалы позволяют сделать некоторые косвенные выводы о влиянии введения машин на отдельные стороны процесса формирования кадров наемных рабочих в это время.

1840—1850-е годы характеризуются постепенным вытеснением ручного труда машинным. Об этом говорит факт сокращения числа набойщиков³⁶. Но несмотря на это, набойщики, как категория рабочих ситцевой промышленности, сохранили свое значение в течение всего рассматриваемого периода. Переход мануфактуры в стадию машинной индустрии, введение машин в производство ситца, безусловно отразились и на их положении, так как они являлись одной из категорий фабричных рабочих. Поэтому подробная характеристика этой группы рабочих в период начавшегося промышленного переворота представляет несомненный интерес.

Вначале выясним степень связи рабочих ситцевых фабрик Гарелиных и Зубкова с земледелием. При сопоставлении реестровых книг и подворной описи выявлено 168 дворов по сельской и 72 двора по волостной половине Иванова, крестьяне которых были рабочими на указанных фабриках в 1830—1859 гг. Так как нас интересует характер связи этих крестьян-рабочих с земледелием, то в основу группировки указанных 240 дворов положены хозяйственные признаки, свидетельствующие о состоянии сельскохозяйственного производства, а именно обеспеченность дворов рабочим скотом³⁷. Все дворы разделены на три группы: первая группа объединяет хозяйства, имевшие две лошади и более двух; вторая группа — хозяйства, имевшие одну лошадь; третья группа объединяет безлошадные хозяйства. Составление сельского хозяйства крестьянских дворов, в которых имелись рабочие фабрик Гарелина и Зубкова, хорошо видно из таблицы 4³⁸.

Основную массу дворов сельской половины составляли безлошадные хозяйства (88,7%), которые совершенно не были связаны с земледелием. Занятие хлебопашеством не отмечено ни в одном из 149 дворов третьей группы. Во второй группе из 18 хозяйств хлебопашеством занимались только три. Почти две трети безлошадных дворов даже не имели коров; среди однолошадных дворов треть была без коров. Естественно, что источником существования всех этих крестьян могла быть лишь работа по най-

³⁶ В середине 30-х годов в реестровых книгах отмечено 138 набойщиков сельской и волостной половины Иванова, работавших на фабрике Гарелиных, в конце 40-х годов их число возрастает до 264. Но в 50-е годы количество набойщиков, за которых оброк уплачивался фабрикантом, значительно сокращается. В 1854 г. по реестру сельской половины числилось 38 набойщиков на фабрике Н. Гарелина и 41 набойщик на фабрике Я. Гарелина, а в конце 50-х годов на двух фабриках Гарелиных число набойщиков, учтенных в реестровых книгах по сельской и волостной половине Иванова, составляло только 110, т. е. по сравнению с 40-ми годами уменьшилось почти в два с половиной раза. (ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1835, д. 12; 1836, д. 14; 1848, д. 9; 1849, д. 10; 1853, д. 7; 1859, дд. 9, 10.)

³⁷ При общей характеристике расслоения крестьянства Иванова критерий обеспеченности двора рабочим скотом был бы недостаточен, так как он не отражает в целом степени хозяйственной состоятельности каждого двора в силу большого развития в Иванове неземледельческой деятельности. В этом случае за основу группировки дворов надо было бы брать признаки, свидетельствующие о характере промышленной деятельности крестьян (наличие капиталов, собственных промыслов, работа на промышленных заведениях).

³⁸ ЦГАДА, ф. 1278, Ивановская вотчина, 1836, д. 29, 30. Сводную таблицу об имущественном положении крестьян по группам и потомственных связях их с фабрикой см. в Приложении.

ТАБЛИЦА 4

Группы дворов	Сельская половина Иванова							Болотная половина Иванова						
	дво- ров	скота				домашней птицы	количество дворов, имевших хле- бопашество	дво- ров	скота				домашней птицы	количество дворов, имевших хле- бопашество
		ло- ша- дей	ко- ров	овец	сви- ней				ло- ша- дей	ко- ров	овец	сви- ней		
Первая группа (2 лошади и более)	1	4	1	—	—	7	1	3	7	8	2	—	23	3
В среднем на 1 двор	—	—	—	—	—	—	—	—	2,3	2,7	0,7	—	7,7	—
В % к итогу...	0,6	18,2	1,5	—	—	2,5	—	4,2	18,8	12,9	67	—	8,6	—
Вторая (1 ло- шадь)	18	18	12	3	1	63	3	30	30	40	1	—	132	30
В среднем на 1 двор	1	0,7	0,2	0,06	3,5	—	—	1	1,3	0,03	—	4,4	—	—
В % к итогу...	10,7	81,8	17,9	75	50	22,7	—	41,6	81,2	64,5	33	—	49,4	—
Третья (безло- шадные)	149	—	54	1	1	204	—	39	—	14	—	—	112	3
В среднем на 1 двор	—	0,4	0,007	0,007	1,4	—	—	—	—	0,4	—	—	2,9	—
В % к итогу...	88,7	—	80,6	25	50	74,8	—	54,2	—	20,6	—	—	42,0	—
Итого...	168	22	67	4	2	278	4	72	37	62	3	—	267	36
В среднем на 1 двор	—	0,13	0,4	0,02	0,01	1,7	—	—	0,5	0,8	0,04	—	3,7	—

му. Именно эта часть крестьянства, фактически порвавшая связь с землей, и служила источником наемной рабочей силы для капиталистических предприятий. Из 168 дворов только одно хозяйство имело 4 лошади. Это был двор Ивана Ивановича Бурылина. В реестровых книгах отмечено, что Бурылин работал набойщиком на мануфактуре Гарелиных в 1833 г. В 1836 г. в подворной описи указано, что он «занимается галандренной и цилиндренной машиною на посторонних людей и оттого пропитание имеет»³⁹, т. е. выступает уже в качестве самостоятельного кустара, владельца небольшого ситцевого заведения, доход от которого был основным источником существования его семьи. Бурылин имел небольшое хлебопашество, но своего хлеба хватало только для прокормления семейства, а в неурожайные годы приходилось прикупать хлеб на рынке. Известно, что «весьма многие «кустари» в мануфактуре тяготеют еще к крестьянству, к превращению в мелкого хозяйчика, к прошлому, а не к будущему, обольщают еще себя всяческими иллюзиями о возможности (посредством крайнего напряжения работы, посредством бережливости и изворотливости) превратиться в самостоятельного хозяина»⁴⁰. Вероятно, таким путем Бурылин и стал самостоятельным кустарем. Однако эта самостоятельность кустара была только кажущейся и очень непродолжительной, как увидим ниже.

Таким образом, среди 168 дворов, которые отпускали рабочих на фабрики Гарелиных и Зубкова, хлебопашеством занимались только в 4-х дво-

³⁹ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1836, д. 29 (двор 328).

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 382.

рах, т. е. подавляющая часть рабочих Гарелиных и Зубкова в 30—50-е годы XIX в. не имела связи с землей и сельскохозяйственным производством. Крестьяне, работавшие в промышленных предприятиях, писали в прошении к графу Шереметеву в 1835 г., что «хлебопашество они не имеют и не приобучены», работая на мануфактурах и фабриках «мы имеем с семействами нашими пропитание, а потом поправляем всякую домашнюю надобность, также и Вашему графскому сиятельству оброчную сумму и подушные и всякие мирские повинности оплачиваем»⁴¹, т. е. заработная плата становилась основным источником существования крестьян. Все это в условиях начавшегося промышленного переворота способствовало их полной пролетаризации, превращению в постоянных рабочих фабричной промышленности.

Такая глубокая степень отрыва от земли, как в Иванове, в 30—50-е годы XIX в. была характерна только для небольшой части промышленных районов России, главным образом для «неземледельческих центров», которые положили начало фабричным поселениям и стали впоследствии крупными центрами машинной индустрии. Уже в соседних с селом Ивановым деревнях, составлявших волостную половину, наблюдается значительно меньшая оторванность рабочих от сельскохозяйственного производства. Как видно из той же таблицы 4, распределение дворов по группам в волостной половине несколько иное, по сравнению с сельской половиной Иванова. Дворы первой группы составляют 4,2%, дворы второй группы — 41,6%, дворы третьей группы — 54,2% (по сельской половине соответственно — 0,6, 10,7, 88,7%). Безлошадные хозяйства в волостной половине хотя и составляли более половины рассматриваемых дворов, но доля их была значительно ниже, чем в сельской половине. Занятие земледелием отмечено по всем группам, даже в третьей группе из 39 дворов три имели собственное хлебопашество, а всего занимались сельским хозяйством из 72 дворов, в которых были рабочие на фабриках Гарелиных, 36 дворов, или 50%. Все это свидетельствует о значительно меньшем отрыве от земли рабочих, выходцев из окрестных деревень. Обращает на себя внимание и тот факт, что дворы волостной половины, имевшие рабочих и занимавшиеся хлебопашеством (первая и вторая группы) имели в среднем на двор значительно больше коров, овец, свиней, домашней птицы, чем дворы сельской половины. Большая связь крестьян волостной половины с земледелием подтверждается и общими данными подворной описи по волостной половине Иванова. Из 621 двора, о которых имеются сведения, 393 (61,3%) занимались хлебопашеством. Следует отметить, что по сравнению с концом XVIII в. отрыв крестьян от земли в волостной половине усилился в результате ускорившегося процесса разложения крестьянства, втягивания его в неzemледельческую деятельность.

Отрыв от земли был одним из важнейших факторов, ускоривших и облегчивших процесс формирования кадров постоянных рабочих машинной индустрии, процесс превращения наемного рабочего мануфактуры в пролетария. Связь с землей, наоборот, способствовала сохранению патриархальных форм промышленности, связанных с земледелием, кустарного ручного производства, рабочего с наделом, что замедляло процесс пролетаризации непосредственного производителя, переход от ручного труда к применению машин. Примером может служить ткачество бумажных материй, которое в рассматриваемый период оставалось еще ручным, с широко развитым домашним производством.

Сравнение подворных описей сельской и волостной половины Иванова показывает, что домашнее ткачество было характерно для районов, где отрыв рабочих от земли еще не завершился, где крестьяне являлись еще полуземледельцами-полупромышленниками. В селе Иванове из 476 дво-

⁴¹ ЦГАДА, ф. 1278, Ивановская вотчина, 1835, д. 30, л. 45.

ров, в которых были наемные рабочие на капиталистических предприятиях, только 6 дворов занимались ткачеством чужих миткалей и снованием клубьев ⁴². Основная же масса крестьян была связана с ситцевым производством, работала непосредственно на предприятиях. Помимо набойщиков и резчиков, опись отмечает и такие дворы, в которых уже имелись рабочие при цилиндропечатных машинах ⁴³. В деревнях, окружавших Иваново, помимо землепашества домашнее ткачество было одним из основных занятий крестьян. Среди 540 хозяйств, несущих тягло, ткачеством миткалей занимались 305 хозяйств (56,6%). В описи обычно отмечалось, свой или чужой миткаль ткёт данный двор, что очень важно для определения характера промышленной деятельности крестьян. Из 305 дворов в 177 дворах (58%) ткали чужой миткаль ⁴⁴. И хотя больше половины хозяйств, в которых отмечено занятие ткачеством миткалей, уже потеряли свою самостоятельность и являлись простым придатком мануфактуры, формы промышленной деятельности крестьян и их капиталистической эксплуатации были здесь более низкими, чем в самом Иваново. И у рабочих фабрик Гарелина и Зубкова домашнее ткачество в значительно большей степени было распространено в волостной половине, чем непосредственно в Иваново. В сельской половине Иванова из 168 дворов, в которых были рабочие этих фабрик, ткачеством чужих миткалей занимались только в трех дворах, а из 72 дворов волостной половины миткаль ткали в 25 дворах, причем в 22 из них ткали чужой миткаль. В соседних с Ивановым деревнях, как правило, глава семьи занимался крестьянской работой, ткал миткаль, а сыновья работали на капиталистических предприятиях Иванова в качестве набойщиков, заварщиков, кубовщиков. Вот несколько примеров. Федор Федорович Еремин из деревни Кочкарово, как отмечено в описи, «занимается крестьянскую работою и ткёт чужие миткали», а его дети Иван и Филипп работают набойщиками на ситцевых мануфактурах Иванова. Иван Еремин с 1846 г., а Филипп с 1848 г. работали на фабриках Гарелиных. Егор Иванович Галкин и Тимофей Савельевич Хренов из деревни Оверково в 1836 г. занимались ткачеством чужих миткалей. В 40-е годы их сыновья Максим Галкин и Семен Хренов являлись набойщиками у Гарелиных. Варвара Ефимовна Гузеева в середине 30-х годов с двумя сыновьями «жила в бедном положении» и занималась ткачеством миткалей. Ее старший сын Евстафий, которому только исполнилось 11 лет, поступил на фабрику Гарелиных и проработал на ней больше 20 лет. В 1859 г. на эту же фабрику пришел и его брат Петр ⁴⁵.

Таким образом, анализ состояния сельского хозяйства ивановских крестьян, которые уже были наемными рабочими, показывает, что основная масса их совсем или почти совсем порвала связь с землей и сельскохозяйственным производством и основным источником их существования была продажа рабочей силы.

Степень отрыва от земли этих рабочих-крестьян была различной. При полном, за редкими исключениями, отрыве рабочих от земледелия в самом промышленном центре в окружающих его деревнях связь части рабочих с собственным хозяйством еще в какой-то мере имела место. При этом глубина отрыва от земли оказывала существенное влияние на характер неземледельческой деятельности крестьян, на степень их втянутости в сферу капиталистической эксплуатации. Тогда как для самого Иванова была прежде всего характерна работа крестьян по найму на самой ману-

⁴² ЦГАДА, ф. 1278, Ивановская вотчина, 1836, д. 29 (дворы 265, 266, 298, 494, 633, 664).

⁴³ Там же (дворы 410, 412).

⁴⁴ См. А. П. Юдин. Указ. дисс., стр. 262.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, д. 30, деревня Кочкарово (двор 1); деревня Оверково (дворы 3, 5); деревня Дмитрово (двор 18); 1839, д. 15; 1841, д. 12; 1845, д. 12; 1848, д. 10; 1859, д. 10.

фактуре или фабрике, в окружающих деревнях еще нередко были случаи сочетания в одном дворе работы в промышленном заведении с работой на дому или с кустарным промыслом.

Конечно, такая степень разложения крестьянства, отрыва его от земли и втянутости в капиталистические отношения, которая наблюдалась в Иванове в 30-х годах XIX в., была типичной лишь для немногих районов страны, наиболее развитых в промышленном и капиталистическом отношениях. Тем не менее факт глубокого разложения крестьянства, выделения из его среды представителей буржуазии и слоя наемных рабочих в отдельных промышленных центрах в последние десятилетия перед отменой крепостного права свидетельствовал о глубоком кризисе феодально-крепостнической системы хозяйства в целом. Промышленный переворот, начавшийся в этот период, был фактором, который способствовал развитию и углублению этого процесса.

* * *

Крупная машинная индустрия, пришедшая на смену мануфактуре в результате промышленного переворота, значительно расширяла сферу капиталистической эксплуатации, сферу применения наемного труда в промышленности. Экспроприированные, частично или полностью обезземеленные производители, число которых в период кризиса феодально-крепостнической системы непрерывно возрастало, на стадии фабричной индустрии значительно быстрее становились объектами капиталистической эксплуатации, чем в мануфактурный период. Промышленный переворот ускорял процесс первоначального накопления и создавал благоприятные условия для полной победы капиталистического способа производства.

Еще в мануфактурный период обнаруживается тенденция к пролетаризации громадного большинства кустарей. В период начавшегося промышленного переворота положение мелких кустарей, производство которых основывалось на ручном труде, становится особенно неустойчивым и шатким.

В подворной описи Иванова за 1836 г. самостоятельные кустари, или так называемые «горшечники», занимают как бы промежуточное положение между наемными рабочими промышленных заведений и «капиталистами» крестьянами, которые являлись владельцами промышленных предприятий. В сельской половине Иванова опись отмечает свыше 20 дворов, в которых имелись кустари, занимавшиеся производством ситцев. Внешне такой кустарь вполне самостоятелен, он «занимается фабричным изделием, набивает ситцы галандренной машиной на посторонних людей». Однако, как правило, он не имел собственного капитала и наемных рабочих. Работа обычно производилась своей семьей, и плата за набивку чужих ситцев служила источником существования семьи. В описи отмечалось при характеристике таких дворов, что «набивают ситцы чужбину на фабрикантов, от того и пропитание имеют».

Ясно, что экономическое положение этих кустарей было очень шатко и самостоятельность их была кажущейся. Они оказывались совершенно бессильными в конкурентной борьбе с крупным производством и постепенно из самостоятельных производителей превращались в наемных рабочих капиталистической промышленности. Так, в 1836 г. Александр Иванович Аничев имел небольшое ситцевое заведение, на котором «набивал ситцы на посторонних людей и от того имел пропитание» с семьей в 11 человек. Хозяйство Аничева было безлошадным, не связанным с земледелием, так что кустарный ситцевый промысел был единственным источником существования этого семейства. В 1844 г. два его сына Александр и Иван работали на фабрике Зубкова. Вероятно, к этому времени собственное ситцевое заведение Аничева или совсем разорилось, или настолько пришло в упадок, что доход с него уже не обеспечивал даже прожиточного минимума семьи, если сыновья Аничева были вынуждены работать в ка-

честве наемных рабочих на фабрике. Григорий Афанасьевич Напалков в середине 30-х годов имел свой постоянный двор, лошаадь, корову, 700 руб. ассигнациями денежных средств и небольшое ситцевое заведение для набойки по миткалю и холосту. В 1857 г. его сын Кондратий значился набойщиком на фабрике Н. Гарелина.

«Фабричным изделием ситцев на свой капитал и чужбину» занимался в 1836 г. и Феофан Леонтьевич Китаев, в хозяйстве которого не было ни скота, ни хлебопашества. В 50-е годы его сын Анисим также становится рабочим фабрики Гарелина. В реестровых книгах отмечено, что он работал набойщиком в течение семи лет — с 1853 по 1859 г.

Василий Сергеевич Карпов имел в деревне Дмитрово в 30-е годы набоечное производство ситцев и платков, обладал капиталом в 1000 руб. ассигнациями. В его хозяйстве было 3 лошади, корова, небольшое хлебопашество, оброк уплачивался с 2,5 тягол. Но в 50-е годы внешнее благополучие и этого кустаря было нарушено, набоечное производство пришло, вероятно, в упадок, так как в реестровой книге за 1858 г. указывалось, что его сын Фрол был рабочим на фабрике Гарелина. Хозяйство Карпова к этому времени уже потеряло свою экономическую самостоятельность, так как все окладные платежи, в том числе и оброк, за этот двор уплачивались фабрикантом Гарелиным⁴⁶.

Везде наблюдается одна и та же картина — призрачная самостоятельность кустаря 30-х годов сменяется экономическим разорением в 40—50-е годы и превращением его в наемного рабочего фабрики, для которого заработная плата становится основным источником существования и основным средством выполнения феодальных повинностей.

На фабрику шли работать не только кустари, занимавшиеся производством ситцев (они фактически уже имели профессию набойщика, и фабрика лишь меняла их положение в процессе общественного производства, превращая из самостоятельных производителей в лишенных средств производства пролетариев), но и те, кто раньше занимался кузнечной, чеботарной и другой работой, кто содержал постоянные дворы, ткал миткаль на собственных станах.

Так, в деревне Игнатово занимался тканьем своего миткаля вместе с семейством Семен Осипович Дурнышин. Он имел в хозяйстве лошаадь, корову, небольшое хлебопашество и 50 руб. ассигнациями денежных средств. В подворной описи не отмечено, чтобы кто-нибудь из его семейства занимался работой по найму в селе Иванове. Но в 1858 г. на фабрике Гарелина работал внук Дурнышина — Никандр, которому в 1836 г., когда составлялась опись, было только пять лет. Вероятно, в 50-е годы домашнее ткачество в этом хозяйстве уже потеряло свой самостоятельный характер.

В семействе Андрея Григорьевича Кособрюхова, который сам «занимался кузнечной работой и торговал разной мелочью», в середине 30-х годов его сын Агей работал набойщиком на одном из промышленных заведений Иванова. По реестровым книгам за 1848 и 1857 гг. он числился рабочим на фабрике Н. Гарелина. Это дает основание предполагать, что Агей работал на предприятии Гарелина около 10 лет. Профессия набойщика становится потомственной в этом семействе — в 1854 г. на фабрику Гарелина поступает работать сын Агея, Афанасий Кособрюхов⁴⁷, т. е. связь с капиталистическим производством, имевшаяся в этом хозяйстве уже в 30-е годы, в последующий период становится еще более прочной. Таким образом, все приведенные факты показывают непрекращающийся процесс разорения кустарей и превращения их в фабричных рабочих.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1836, д. 29 (дворы 197, 342, 555); д. 30 (деревня Дмитрово, двор 35); 1844, д. 11; 1853, д. 7; 1857, д. 8; 1858, д. 8; 1859, д. 9.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1836, д. 29 (двор 221); д. 30 (деревня Игнатово, двор 28); 1848, д. 9; 1853, д. 7; 1857, д. 8; 1858, д. 8.

С началом промышленного переворота не только ускорился процесс разорения кустарей, но и началось формирование кадров *постоянных* рабочих. Интенсивность этого процесса зависела как от быстроты и глубины перерастания мануфактуры в фабрику, так и от степени отрыва крестьянина от земледелия. Экспроприированные производители были вынуждены из года в год продавать свою рабочую силу и становиться постоянными рабочими, непрерывно находившимися в сфере капиталистической эксплуатации. Складывание слоя искусных, детальных рабочих началось еще в мануфактурный период⁴⁸. Но мануфактура, как известно, не производит полного отделения промышленности от земледелия. Поэтому для нее не было типичным наличие кадров рабочих, полностью порвавших с сельскохозяйственным производством. Рабочие мануфактуры, как правило, каждое лето прекращали работу на промышленном предприятии и уходили на полевые работы в деревню. Это можно наблюдать в некоторых отраслях промышленности и в период начавшегося промышленного переворота. В 50-е годы, например, на некоторых мануфактурах Шуйского уезда ткачи работали по десяти и более лет постоянно, исключая только время уборки хлеба⁴⁹. На мануфактурной стадии вследствие низкого органического строения капитала основные издержки капиталистического производства заключались главным образом в возмещении переменного капитала, или стоимости рабочей силы. Если рабочий несколько месяцев не работал на мануфактуре, то деньги, которые должны были быть отданы ему в качестве заработной платы, оставались в кармане капиталиста, иными словами, во время простоя предприятия капиталист не нес больших убытков.

На стадии машинной индустрии значительно возросла роль постоянного капитала в процессе производства и, следовательно, его доля в стоимости продукта, в издержках производства. Установка машин требовала затраты больших капиталов. В начале 40-х годов Прохоровы, например, израсходовали на техническое переоборудование ситцевой фабрики 165 тыс. руб. серебром (был выстроен новый каменный корпус, установлены паровая машина с двумя котлами и цилиндропечатная машина). Установка паровой машины в десять сил обходилась в 1000 руб. серебром, а с учетом ввозной пошлины — 1150 руб. серебром, установка пирротины — 6000 руб. серебром⁵⁰. Капиталист был заинтересован в скорейшем возмещении стоимости машин, а следовательно, в ускорении процесса оборачиваемости капитала. Для этого требовалась бесперебойная работа фабрики в течение круглого года, чего можно было достигнуть только при наличии рабочих, не связанных с земледелием. Для создания постоянного контингента рабочих фабриканты прибегали даже к такой мере, как увеличение в летние месяцы заработной платы. Так, на фабрике Я. Гарелина взрослый рабочий в 40-е годы зарабатывал зимой в месяц 11—18 руб. ассигнациями, а летом до 23 руб. ассигнациями. В конце 50-х годов заработная плата колебалась зимой от 16 руб. 50 коп. до 23 руб. 50 коп. в месяц, а летом — от 22 до 31 руб. ассигнациями⁵¹.

Формирование кадров постоянных рабочих происходило уже в начальный период промышленного переворота. На первых предприятиях машинной индустрии слой постоянных рабочих существовал в 30—50-е годы XIX в., причем появление его шло одновременно с технической реконструкцией этих фабрик.

⁴⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 376.

⁴⁹ См. «Вестник промышленности», 1858, т. 1, стр. 110.

⁵⁰ «Ученые записки института истории РАНИОН», 1929, т. V, стр. 386; «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России», СПб., 1863, т. II, стр. 79, примечание; ГИА МО, ф. 516, 1833—1845, оп. 1, д. 22, св. 2, л. 1.

⁵¹ «Вестник промышленности», 1859, т. 2, разд. III, стр. 191.

Рассмотрим данные о продолжительности работы рабочих фабрик Гарелиных и Зубкова за 1830—1859 гг. По реестровым книгам сельской и волостной половин Ивановна за изучаемое тридцатилетие выявлено 923 рабочих фабрик Гарелиных и Зубкова. Из них 823 рабочих работали на фабриках Гарелиных и 100 рабочих — на фабрике Зубкова. По продолжительности работы они распределялись следующим образом (см. табл. 5 и 6) ⁵².

ТАБЛИЦА 5

Фабрики Гарелиных

Сельская половина			Волостная половина			Итого рабочих в сельской и волостной половинах	
продолжи- тельность работы	количество рабочих		продолжи- тельность работы	количество рабочих			
	в его	в %		всего	в %		
1 год	331	52,6	1 год	106	54,6	437	53,0
2—5 лет	117	18,6	2—5 лет	44	22,8	161	19,6
6—9 »	60	9,5	6—9 »	13	6,7	73	8,9
10—15 »	63	10,0	10—15 »	19	9,8	82	
16—20 »	30	4,8	16—24 »	12	6,1	42	18,5
21—30 »	28	4,5	—	—	—	28	
Итого...	629	100		194	100	823	100

ТАБЛИЦА 6

Фабрика Зубкова (сельская половина)

Продолжительность работы	Количество рабочих	
	всего	в %
1 год	46	46,0
2—5 лет	30	30,0
6—9 »	12	12,0
10—15 »	7	7,0
16—29 »	5	5,0
Итого..	100	100

Из таблиц видно, что в 30—50-е годы уже около половины рабочих Гарелиных и Зубкова из учтенных в реестровых книгах работали на фабрике два года и более. Рабочие, стаж работы которых исчислялся 10—30 годами, в изучаемый период уже не представляли редкого исключения. К сожалению, реестровые книги в силу своего специального назначения не могут служить источником, позволяющим судить о продолжительности работы рабочих всех категорий, занятых на данном капиталистическом предприятии. Но даже имеющиеся сведения говорят о том, что в последнее тридцатилетие перед отменой крепостного права в капиталистической промышленности начинают формироваться кадры *постоянных* рабочих. Рабочие, не связанные с земледелием, проработавшие на фабрике десять и более лет, фактически были уже пролетариями, для которых продажа рабочей силы стала единственным источником существ-

⁵² Таблицы составлены на основании реестровых книг: ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1830, д. 11; 1831, д. 9; 1832, д. 12; 1833, д. 14; 1834, д. 12; 1835, д. 12; 1836, д. 13—14; 1837, д. 15; 1838, д. 13; 1839, д. 15; 1840, д. 9, 10; 1841, д. 12; 1844, д. 11; 1845, д. 13; 1846, д. 12; 1848, д. 9, 10; 1849, д. 10; 1852, д. 7; 1853, д. 7; 1857, д. 8; 1858, д. 7, 8; 1859, д. 9, 10. При определении срока работы на фабрике учитывались начальная и конечная даты пребывания рабочего на данной фабрике, указанные в реестровых книгах; некоторые промежуточные годы, за которые фамилия данного рабочего по какой-либо причине не значится в реестровой книге, не принимались во внимание.

ования. Личное освобождение этих рабочих в 1861 г. представляло собой только юридический акт, оформивший их фактическое положение. В подтверждение этого можно привести немало примеров. На фабриках Гарелиных и Зубкова в рассматриваемый период работали Егор Иванович Власов (в течение 24 лет), Борис Яковлевич Делюсин (21 год), Степан Ефимович Козырев (20 лет), Ларион Герасимович Семин (27 лет), Алексей Пантелеевич Ушаков (17 лет), Петр Кириллович Чернышев (25 лет), Петр Иванович Черняков (30 лет), Иван Карпович Игумнов (22 года), Селивестр и Осип Курпетчиковы (по 20 лет), Данила Прохорович Зубков (21 год), Ефим Савич Птицын (27 лет), Петр Зиновьевич Гузеев (24 года). Из подворной описи видно, что все эти рабочие, за исключением Гузеева, принадлежали к безлошадным крестьянам, не занимавшимся ни хлебопашеством, ни кустарными промыслами. Только во дворе Гузеева имелись две лошади, корова, «хлебопашество для своего семейства», небольшие денежные средства⁵³. Не исключена возможность (как мы видели на ряде примеров), что в 40—50-е годы экономическое положение этого хозяйства могло измениться в худшую сторону. Но в любом случае это не меняет общей картины: рабочие, постоянно работавшие на капиталистических фабриках, были уже экспропрированными, порвавшими связь с земледелием производителями.

Степень отрыва от земледелия до некоторой степени определяла быстроту формирования кадров постоянных рабочих. При сравнении данных о продолжительности работы на фабриках Гарелиных по сельской и волостной половинам Иванова можно видеть, что рабочие сельской половины, работавшие от 10 до 30 лет постоянно, составляли 19,3% рассматриваемого числа рабочих, а рабочие, пришедшие на фабрики из окрестных деревень и проработавшие постоянно 10 лет и более, составляли только 15,9% (см. табл. 5). Наоборот, число рабочих, проработавших на фабриках Гарелиных в течение 1—2 лет, в волостной половине было больше, чем в сельской: в первом случае они составляли 66,0%, а во втором только 58,8%. Все это говорит о том, что существовала связь между степенью отрыва крестьянства от земледелия и формированием кадров постоянных рабочих на капиталистических фабриках. Но наряду с этим следует иметь в виду и то, что в процессе формирования кадров постоянных рабочих не только деревня выталкивала на фабрику экспропрированные слои крестьянства, но и сама фабрика притягивала их к себе и ускоряла, вернее завершала, полный отрыв рабочего от земли.

На фабриках Гарелиных и Зубкова в 30—50-х годах не только имелся значительный слой постоянных рабочих, но и были потомственные рабочие, связанные с капиталистическим производством в двух-трех поколениях. Потомственными рабочими мы считаем тех из них, которые в течение нескольких поколений являлись объектами капиталистической эксплуатации на самой фабрике. Работа в качестве наемного рабочего на дому, например ткача, не принимается во внимание, так как нас прежде всего интересует вопрос о прочности связи рабочего с капиталистической фабрикой, а не форма эксплуатации наемных рабочих капиталистом.

На фабрике часто работали всем семейством — отец, сыновья, а через несколько лет на эту же фабрику поступали работать и внуки. Так, в 1836 г. Никанор Филиппович Мешалкин занимался набоечным мастерством на одном из промышленных заведений Иванова вместе с сыновьями Фомой и Ермилом. В 1848 г. они числились в реестровой книге как рабочие купцов Гарелиных. В 1858 г. на фабрику Гарелиных поступил работать внук Никанора Мешалкина — Матвей. Перед нами история трех поколений рабочих-текстильщиков. Дмитрий Иванович Огурцов в середине 30-х годов работал на галандренной машине, его сын Яков с

⁵³ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1836, д. 29 (дворы 588, 15, 32, 553, 542, 642, 73, 634); д. 30 (деревня Рылиха, дворы 42, 47; деревня Дмитрово, двор 34).

1838 по 1840 г. и внук Авксентий в 1844—1848 гг. работали на фабрике Гарелина. Анисифер Ефимович Обуваев работал набойщиком у Гарелиных вплоть до своей смерти в 1834 г., а в 1835 г. на фабрику поступил его сын Антон, который по реестровым книгам значился рабочим Гарелина до 1840 г.⁵⁴ Как показывают материалы описи, все эти рабочие уже в середине 30-х годов совсем или почти совсем порвали связь с землей и сельскохозяйственным производством. Дворы с крестьянами-рабочими в одном, двух и трех поколениях распределялись по выделенным выше группам следующим образом (см. табл. 7).

ТАБЛИЦА 7

Группы дворов	Сельская половина			Волостная половина		
	Дворов с рабочими			Дворов с рабочими		
	в одном поколении	в двух поколениях	в трех поколениях	в одном поколении	в двух поколениях	в трех поколениях
Первая (2 лошади и больше)	1	—	—	2	1	—
В % к итогу	0,9	—	—	3,6	5,9	—
Вторая (1 лошадь)	12	5	1	25	5	—
В % к итогу	10,9	9,3	25,0	45,5	29,4	—
Третья (безлошадные)	97	49	3	28	11	—
В % к итогу	88,2	90,7	75,0	50,9	60,7	—
Итого...	110	54	4	55	17	—

Основная масса потомственных рабочих принадлежала к третьей группе, в которой объединены хозяйства, не занимавшиеся земледелием. Отмеченные выше различия между сельской и волостной половинами Иванова в формировании кадров постоянных рабочих прослеживаются и в данном случае. Только в сельской половине Иванова отмечено несколько дворов, в которых имелись фабричные рабочие в трех поколениях. По волостной половине таких дворов в числе рассматриваемых нами нет. Соотношение дворов с рабочими в одном и двух поколениях по сельской и волостной половинам Иванова отражено в таблице 8.

ТАБЛИЦА 8

	Всего дворов	Из них имеют рабочих					
		в одном поколении		в двух поколениях		в трех поколениях	
		всего	в %	всего	в %	всего	в %
Сельская половина	168	110	65,4	54	32,1	4	2,5
Волостная половина	72	55	77,0	17	23,0	—	—

Рабочие в двух и трех поколениях в сельской половине Иванова имелись в 34,6% рассматриваемых дворов, а в волостной — только в 23%.

Таким образом, изученные материалы показывают, что переход от мануфактуры к фабрике с самого начала был связан с формированием кадров постоянных и потомственных рабочих.

Разумеется, было бы неверно утверждать, что мануфактура вообще исключает наличие определенного числа наемных рабочих, постоянно и даже в нескольких поколениях занятых работой непосредственно на

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1836, д. 29 (дворы 550, 502, 608); 1835, д. 12; 1840, д. 9; 1844, д. 11; 1848, д. 9; 1858, д. 11.

предприятия. Такие рабочие были на мануфактурах. Но это было явление не типичное, не характерное для мануфактурного периода, так как сам процесс и характер производства позволяли обходиться без постоянных рабочих. Фабрика же неизбежно требовала постоянного рабочего, и формирование кадров таких рабочих становится типичным уже с первых шагов превращения мануфактуры в фабрику.

В Иванове в последние десятилетия перед отменой крепостного права существовал значительный слой постоянных рабочих. Можно полагать, что в силу ряда причин (издавна промышленный характер села, глубокий отрыв крестьян от земли, интенсивное развитие промышленности, перерастание мануфактуры в фабрику и др.) этот процесс шел здесь быстрее и его результаты были более значительны, чем в других районах.

Появление кадров постоянных рабочих на капиталистических фабриках свидетельствовало об углублении раскола между владельцами рабочей силы и капитала. Этот раскол начал проявляться уже на стадии мануфактуры, но в этот период он был еще прикрыт пестротой всевозможных форм зависимости, которые не делали его столь явным⁵⁵.

Промышленный переворот обнажает раскол между трудом и капиталом. Переход от мануфактуры к фабрике окончательно разрушал призрачную самостоятельность кустарей, превращая их в наемных рабочих капиталистических предприятий, способствовал стягиванию массы крестьянства в индустриальные центры, упрощал классовые отношения и противоречия в обществе, сводя их все к противоречию между трудом и капиталом.

Но говоря об этом применительно к России дореформенного времени, необходимо отметить одну очень важную особенность в положении фабричных рабочих. Подавляющая часть их была крепостными, обязанными нести в пользу помещика и государства различные повинности, лишены свободы и не имевшими поэтому возможности распоряжаться своей личностью. Ярким выражением этой несвободы является то, что за всех рабочих, о которых шла речь выше, повинности помещику вносили фабриканты, т. е. рабочие даже не получали на руки всю причитающуюся им заработную плату.

Поэтому наемные рабочие, в том числе и постоянные и потомственные, не могли в крепостную эпоху превратиться в пролетариев.

* * *

Развитие промышленности Иванова в 30—50-е годы XIX в., применение машин в производстве ситца и других хлопчатобумажных изделий требовало большого числа рабочих, знающих свое дело и способных освоить новую машинную технику. Местные рабочие Иванова в массе являлись набойщиками, резчиками, т. е. владели профессиями, связанными с ручным трудом. В 1840 г. на 82 ситцевых заведениях из 476 набойщиков 353 были местными жителями Иванова и только 123 рабочих пришли на ивановские мануфактуры со стороны⁵⁶.

Машины вызвали также к жизни и новые профессии, неизвестные в мануфактурный период. Фабрика усиливала процесс технического разделения труда внутри каждого капиталистического предприятия, способствовала появлению детальных рабочих, выполняющих при машинах одну определенную операцию. Например, при каждой цилиндропечатной машине имелись раклист, два накатывальщика, гравер, два-три подсобных рабочих, которые делали работу, ранее выполнявшуюся одним набойщиком и штрифовальщиком⁵⁷. Таким образом, с внедрением в производство машин, самостоятельный характер труда рабочего утрачивался и рабочий превращался в придаток машины.

⁵⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 381.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1840, д. 27, лл. 21—27.

⁵⁷ Там же, 1843, д. 34.

В 50-е годы население Иванова сильно увеличилось за счет большого числа людей, пришедших в это промышленное село в поисках заработка. В конце 50-х годов в Иванове насчитывалось до 20 тыс. жителей⁵⁸, причем больше двух третей из них пришли сюда из различных уездов и губерний России. В Иваново шли помещичьи и государственные крестьяне Владимирской и Костромской губерний, мещане Москвы, Ярославля, Тулы, Вязников и других городов. Пришлое население оседало в Иванове, увеличивая кадры наемных рабочих растущей капиталистической промышленности.

Сохранились «Списки проживающих у Ивановских крестьян постоянных людей», интересные тем, что в них указывается профессия рабочего или ремесленника, пришедшего в Иваново на заработки. Это дает возможность установить соотношение профессионального состава местных и приехавших рабочих и изменение его в связи с внедрением машинного производства в 40—50-е годы XIX в. В 1835 г. в «Списках» указаны красовары, красильщики, резчик, но число их в этот период очень незначительно, по-видимому, в связи с тем, что потребности ситцевого производства вполне удовлетворялись местными рабочими. В 40-е годы в «Списках» появляются профессии рабочих, связанных с работой при машинах. По приблизительным подсчетам, в Иванове в 40-е годы проживало 20 граверов, 5 раклстов, 6 механиков и рабочих при машинах, 14 красоваров и колеристов, заварщики, рисовальщики, которые не были коренными жителями этого села⁵⁹.

Набойщики или резчики, приходящие в Иваново на заработки, встречаются в списках как редкое исключение, и очень часто на полях против их фамилий стоит отметка: «бесполезен, подлежит высылке»⁶⁰. В «Списках» имеются сведения не только о рабочих, но и о владельцах механических мастерских, производивших гравировку цилиндров для ситцепечатных машин и имевших собственное производство этих машин. Среди граверов, проживавших в Иванове, упоминается Федор Фрич, владелец большой механической мастерской, снабжавшей цилиндропечатными машинами многие ситцевые фабрики Иванова. С 1830 г. в механическом заведении Фрича было изготовлено до 40 печатных машин. В «Списках» упоминается также, что небольшую гравировальную мастерскую с четырьмя рабочими имел Евграф Иванов⁶¹.

Таким образом, развитие машинного производства, переход от мануфактуры к фабрике способствовали притоку населения, увеличению числа рабочих, занятых в капиталистической промышленности, росту технического разделения труда и появлению новых профессий рабочих. Ивановские набойщики были очень агрессивно настроены по отношению к посторонним рабочим, связывая их появление на ивановских промышленных предприятиях с ухудшением своего положения. В результате многочисленных прошений, подаваемых крестьянами Иванова в вотчинное правление, в 1845 г. было предложено всем владельцам промышленных заведений выслать из Иванова посторонних лиц, «приносящих вред промышленности», и прежде всего приехавших набойщиков и резчиков. Фабриканты были обязаны подпиской не держать «в своих работах сторонних резчиков или набойщиков, кроме крестьян его сиятельства графа»; в противном случае они должны были уплатить 25 руб. штрафа⁶².

Введение машин приводило к резкому сокращению ручного труда набойщиков, которые теряли свое прежнее привилегированное положение среди рабочих, занятых в ситцевом производстве. В одном из прошений

⁵⁸ «Вестник промышленности», 1859, т. 1, раздел III, стр. 51.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1843, д. 35; 1848, д. 39.

⁶⁰ Там же, 1843—1847, д. 35, л. 19 об.

⁶¹ См. «Вестник промышленности», 1859, т. 2, разд. III, стр. 188; ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1843, д. 35, л. 83.

⁶² ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1843, д. 35, лл. 30, 109.

Шереметеву крестьяне писали, что «прежде машин в Иванове работало большое количество сторонних набойщиков и резчиков и все имели хороший заработок, а ныне и коренным жителям Иванова становится весьма трудно»⁶³. Стремясь вернуться к «золотому веку» ручного труда, ивановские набойщики пытались всячески препятствовать увеличению количества машин и росту крупного фабричного производства.

Маркс отмечал, что на заре капиталистического производства «рабочие направляют свои удары не только против буржуазных производственных отношений, но и против самих орудий производства; они уничтожают конкурирующие иностранные товары, разбивают машины, поджигают фабрики, силой пытаются восстановить потерянное положение средневекового рабочего»⁶⁴. Правда, в Иванове в изучаемый период прямых случаев разрушения машин или разгрома фабрик не наблюдалось. Но и здесь делались попытки добиться запрещения введения цилиндропечатных машин. Так, в 1833 г. мирской сход крестьян села Иванова «единогласно приговорил проживающему в селе Иванове прежде крестьянину, а ныне купцу Н. И. Постникову воспретить заводимую им вновь набоечную машину, т. к. он начал оную заводить не спросясь ни вотчинного правления, ни мирского общества, ибо мы и без того терпим крайнее стеснение от имеющихся в селе в большом числе машин»⁶⁵. Но несмотря на подобные протесты количество цилиндропечатных машин с каждым годом увеличивалось и через десять лет в Иванове со слободами их было уже около тридцати. Тогда набойщики, боясь вовсе лишиться работы, стали добиваться ограничения введения на фабриках ситцепечатных машин. Для этого они предлагали набивные машины, находящиеся в промышленных заведениях крестьян, облагать оброком от 500 до 1000 руб.⁶⁶. Однако все попытки набойщиков вернуть свое прежнее господствующее положение в ситцевом производстве были безуспешны — машины с каждым годом все более и более вытесняли ручной труд. В начале 50-х годов на 64 ситцевых предприятиях Шуйского уезда насчитывалось уже 36 цилиндропечатных машин, 7 паровых машин в 120 лошадиных сил, 55 галандров, действовавших при помощи конного привода⁶⁷.

Машины во много раз увеличивали производительность труда, а более высокий уровень производительности труда по сравнению с предшествующим периодом, являлся одним из решающих факторов, обеспечивших победу новой общественно-экономической формации, и никакие ограничения не могли предотвратить неизбежной победы машинного производства.

* * *

Формирование кадров постоянных и потомственных рабочих происходило не только на фабриках Иванова, но и в других районах страны. В 50-е годы постоянные рабочие имелись также на Трехгорной мануфактуре в Москве. За пятилетие (1854—1859 гг.) на фабрике Прохорова постоянные рабочие составляли 9,22% рабочих. Причем доля постоянных рабочих в различных профессиях была неодинаковой — она увеличивалась с повышением квалификации рабочих. Так, среди чернорабочих постоянных рабочих совсем не было, среди рабочих, связанных с ручными операциями, постоянные рабочие составляли 14,48%; у рабочих при машинах — 24,53%; у резчиков — 43,3% и у пирротинщиков — 50%⁶⁸. Можно предполагать, что на фабриках Иванова наблюдалась подобная же картина, но, к сожалению, материалы, которыми мы располагаем, не дают возможности проследить это конкретно.

⁶³ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1843, д. 35, л. 93.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 431, 432.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1835, д. 30, л. 49.

⁶⁶ Там же, 1843—1847, д. 35, л. 93 об.

⁶⁷ ГАВО, ф. 14, оп. 1. 1852, д. 9189, л. 49; 1854, д. 9716, л. 26.

⁶⁸ «История пролетариата СССР», 1933, № 1—2, стр. 193.

В период промышленного переворота значительное развитие в России получило техническое образование. Фабрика требовала квалифицированных рабочих, так как одной только сноровки и смекалки, вполне достаточных для искусного мастерового мануфактуры, для фабричного рабочего уже не хватало: при работе у машин необходимы были технические знания, умение обращаться с механизмами. Поэтому при фабриках начали создаваться специальные школы, в которых наряду с общеобразовательными предметами преподавались дисциплины, имеющие непосредственное отношение к фабричному производству (техническое рисование, фабричное счетоводство и т. д.). Фабричные школы до некоторой степени восполняли пробел в подготовке квалифицированных рабочих, которые, как отмечал один современник, «составляли корень фабричного сословия». В Иванове в 1847—1848 гг. были открыты Покровское приходское училище и школа при фабрике И. А. Бабурина, в которых «распространялась грамотность и развивались нравственные понятия между детьми ремесленников и людей, имеющих разные занятия по фабрикам»⁶⁹.

Рассмотренные в статье вопросы очень важны для понимания социальной стороны промышленного переворота, но они не исчерпывают ее содержания полностью. Такие факторы, как формирование буржуазии и буржуазной идеологии, организация промышленных выставок, развитие транспорта, внутреннего рынка, капиталистического кредита, рабочее законодательство, также свидетельствуют о больших социальных изменениях, которые нес с собой промышленный переворот.

* * *

Таким образом, конкретный анализ развития промышленности, связи фабричных рабочих с землей, складывания кадров постоянных рабочих и других явлений в промышленном развитии Иванова в 30—50-х годах XIX в. свидетельствуют о том, что процессы, связанные с технической реконструкцией производства и социальными изменениями, сопровождавшими ее, происходили *одновременно* и вместе составляли содержание промышленного переворота. Перерастание мануфактуры в фабрику и появление кадров постоянных рабочих было единым, неразрывным процессом даже на отдельных промышленных предприятиях, как это происходило на фабриках Гарелиных и Зубкова. Промышленный переворот — это совокупность технических и социальных изменений, происходящих одновременно и влияющих одно на другое. Особенности социально-экономического развития в крепостной России, выражавшиеся в не одновременности освобождения производителей от средств производства и феодальной зависимости, обусловили и своеобразие в формировании пролетариата в начальный период промышленного переворота. Кадры рабочих машинной индустрии в дореформенной промышленности в большинстве случаев уже представляли социальный слой лишенных средств производства производителей, но они еще не имели личной свободы. Устранение этого несоответствия в результате реформы 1861 г. превратило кадры постоянных наемных рабочих крепостной эпохи в пролетариев.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 1287, Ивановская вотчина, 1848, д. 36, л. 19.



Имущественное положение и потомственные связи рабочих с фабрикой Гарелиных и Зубкова

Группы дворов	Сельская половина села Иванова															
	дворов	населения		взрослых работников		тягол	скота					дворов с хлебо-пашеством	денежный капитал (руб. асс.)	дворов с фабричными рабочими		
		муж.	жен.	муж.	жен.		лошадей	коров	овец	свиней	домашней птицы			в одном поколении	в двух поколениях	в трех поколениях
Первая (2 лошади и более) . .	1	2	5	—	3	1	4	1	—	—	7	1	—	4	—	—
В среднем на двор	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В % к итогу	0,6	0,5	1,13	—	1,2	0,6	18,2	1,5	—	—	2,5	—	—	0,9	—	—
Вторая (1 лошадь)	18	50	51	24	27	24	18	12	3	1	63	3	700	12	5	1
В среднем на двор	—	2,8	2,8	1,3	1,5	1,3	1	0,7	0,2	0,06	3,5	—	—	—	—	—
В % к итогу	10,7	12,4	11,5	11,4	11,0	13,9	81,8	17,9	75	50	22,7	—	—	10,9	9,3	25
Третья (безлошадные)	149	351	385	178	215	148	—	54	1	1	204	—	400	97	49	3
В среднем на двор	—	2,4	2,7	1,2	1,4	0,99	—	0,4	0,007	0,007	1,4	—	—	—	—	—
В % к итогу	88,7	87,1	87,3	88,6	87,8	85,5	—	80,6	25	50	74,8	—	—	88,2	90,7	75
Итого	168	403	441	202	245	173	22	57	4	2	278	4	1100	110	54	4
В среднем на двор	—	2,4	2,6	1,2	1,5	1,03	0,13	0,4	0,02	0,01	1,7	—	6,5	—	—	—

Группы дворов	Волостная половина села Иванова															
	дворов	населения		взрослых работников		тягол	скота					дворов с хлебо-пашеством	денежный капитал (руб. асс.)	дворов с фабричными рабочими		
		муж.	жен.	муж.	жен.		лошадей	коров	овец	свиней	домашней птицы			в одном поколении	в двух поколениях	в трех поколениях
Первая (2 лошади и более) . .	3	12	9	8	6	7,75	7	8	2,7	—	23	7	1100	2	1	—
В среднем на двор	—	4	3	2,7	2	2,6	2,3	2,7	0,7	—	7,7	—	367	—	—	—
В % к итогу	4,2	5,9	4,6	8,2	6,0	10,7	18,8	12,9	67	—	8,6	—	—	3,6	5,9	—
Вторая (1 лошадь)	30	107	98	53	50	39,8	30	40	1	—	132	30	170	25	5	—
В среднем на двор	—	3,6	3,3	1,8	1,7	1,3	1	1,3	0,03	—	4,4	—	5,7	—	—	—
В % к итогу	41,6	52,4	50	54,6	50,0	54,7	81,2	64,5	33	—	49,4	—	—	45,5	29,4	—
Третья (безлошадные)	39	85	84	36	44	25,2	—	14	—	—	112	3	50	28	11	—
В среднем на двор	—	2,2	2,3	0,9	1,1	0,6	—	0,4	—	—	2,9	—	1,3	—	—	—
В % к итогу	54,2	41,7	45,4	37,а	44,0	34,6	—	20,6	—	—	42,0	—	—	50,9	60,7	—
Итого . . .	72	204	196	97	100	72,8	37	62	3	—	267	36	1320	57	17	—
В среднем на двор	—	2,8	2,7	1,3	1,4	1,01	0,5	0,8	0,04	—	3,7	—	18	—	—	—